

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«АРХИТЕКТУРНО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ КАК
ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ВОСПИТАНИЯ ДУХОВНО-
ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ»**

Кушелев И.Е.
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
cushelwilja@yandex.ru

**САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА ОРЛА**

Аннотация: в статье рассматриваются сакральные аспекты в семиотике пространства города и особенности городского ландшафта, в которых они находят своё выражение. Цель статьи – дать историко-философское, эстетическое и этическое обоснование идеи музеефикации исторических городских пространств. Материалом для работы послужили полевые исследования и наблюдения автора, связанные с изучением пространства старинного среднерусского города на примере Орла, архивные изыскания в РГИА и ГАОО, анализ планов и чертежей, общие исследования по русскому градостроительству Л.М. Тверского, Г.В. Алфёровой, В.А. Шкварикова, Г. Коптевой, группы учёных - Е. Белецкой, Н. Крашенинниковой, Л. Чернозубовой, И. Эрн, а также отдельные положения философии Н.Ф. Фёдорова, культурологические концепции Д.Л. Андреева, В.Н. Топорова, А.М. Лидова. Указывается на архетипический смысл образа города в русской мифопоэтике, олицетворение в нём идеального, райского существования, «Града Взыскуемого». Выявлено онтологическое значение этого архетипа, его центральная роль в картине мира и форме бытия в абсолютном, неразложимом единстве этического и эстетического начал. Строительство города представлено как иеротопия – сакрализация пространства, сотворческий божественному, космогонический процесс. Проведена параллель структуры города со смысловым и конструктивным строением храма, описаны примеры символической геометрии в его планировке, показано, как достигалось единство образа города в целом. Его путь в истории, сохранение архитектурных памятников и шире – исторических ландшафтов – осмыслены через проблему жизни смерти как лежащую в основании всей человеческой культуры, философии и искусства. Центральное положение этики Н.Ф. Фёдорова – идея восстановления ушедшей жизни и воскрешения отцов – поставлено в обоснование требования музеефикации исторического городского пространства с сочетанием нём в религиозной (Храм, Кладбище), эстетической (Музей), исследовательской и образовательной (Школа) функций. Такая трактовка дана как альтернатива общепринятой в буржуазном обществе потребления социально-экономической, утилитарной. Выявлено значимое сходство традиционного русского городского ландшафта с сельским; в сохранении исконной связи с землёй, бережным отношении к природе, не противопоставлении города деревне, а симбиозе этих типов существования усмотрены перспективы гуманизации современного города, вовлечённого слепой инерцией научно-технического прогресса и перманентной НТР в дурную бесконечность «развития» и пододвинутого таким образом на грань вырождения.

Ключевые слова: история архитектурных памятников, сакрализация пространства, развитие города, городской ландшафт, семиотика городского пространства, символическая геометрия, образ города, музеефикация, иеротопия

«И в то время, когда национальная духовная интуиция во многих других метакультурах выражала своё знание о бытии /.../ преимущественно на языке легенд, Россия начинает выражать духовное знание /.../ на языке другого искусства – зодчества. С XI до XVIII вв. все очаги русской духовной и особенно религиозной жизни с поражающей нас последовательностью стремятся к развитию, совершенствованию и повторению одного и того же образа. Это – архитектурный ансамбль, осью которого является белый кристалл – белый собор с золотыми куполами и столпообразной колокольной, вокруг него – сонм часовенок и малых церквей /.../; далее – палаты, службы и жилые хоромы, и, наконец, кольцо могучих защитных стен с башнями. У их подножия – излучина реки. /.../ Архитектурный ансамбль /.../ перерос в первенствующий символ, в синтетическое отражение трансмифа, в каменное подобие «Града взыскуемого». Так писал в «Розе мира» Даниил Андреев¹. Архетип «Небесного Града», «Града Взыскуемого» проявился и в созданном старообрядчеством уже в XVIII в. образе Невидимого града Китежа как символа рая - совершенного, идеального существования. Для нас особенно важно, что русская ментальность облекала его материальную оболочку в форму города. Феномен города концентрирует в себе духовные чаяния русского народа в единстве эстетического и этического начал как своего рода ковчег. Построение города становится *иеротопическим актом* – сакрализацией пространства². Вспомним, что Пётр I в обиходе называл Петербург «парадизом», и совершенно очевидно, что в строительстве Петербурга – иеротопическом проекте – выразилось представление об идеальном, небесном, взыскомом граде. На сам процесс построения города, принципы его планирования как иеротопию указывает Г.В. Алфёрова, рассматривая чин освящения города как пример кодификации градостроительных работ³.

Трёхчастную структуру укрепленного ядра можно уподобить строению храма: Кремль – алтарь, святилище; вторая линия укреплений, как правило это острог, – собственно храм, и территория в границах земляного вала – притвор, нартекс. Эта же трёхчастная структура усматривается и в екатерининском регулярном городе – ансамбль главной площади, центральная часть и предместья; разделение улиц на три класса. На трактовку его как храма прямо указывает В.Н. Топоров: «...город организуется (и соответственно рассматривается в мифопоэтической традиции) как ритуальный центр, как храм, место жертвоприношения, алтарь»⁴. Топоров акцентирует внимание на нём как огороженном пространстве, связывая это с мифопоэтическим образом грехопадения и как его следствия – незащищённости человека, его страдания и необходимости «спасения», «обретения нового рая, заменой которого в «нерайских» условиях и был город»⁵.

¹ Андреев Д.Л. Роза Мира. - М., 2011. – 990 с.

² Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. - М.: «Индрик», 2009. – 384 с.

³ Алфёрова Г.В. Русские города XVI – XVII вв. - М: Стройиздат, 1989. – 216 с.

⁴ Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // исследования по структуре текста / Под ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1987. – С. 121-132.

⁵ Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // исследования по структуре текста / Под ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1987. – С. 121-132.

Н.Ф. Фёдоров раскрывает сущность храма как «жилища мёртвых», места встречи живущего с отшедшим, церковной службы – как отпевания, печалования, заупокойной молитвы, совершения «культа предков». Человек, «изгнанный из рая», ставший смертным, принимает *храмовое, молитвенное прямостоящее* положение, которое, с одной стороны есть положение *сторожевое*, с другой же – *взыскующее*, устремлённое к ушедшим отцам¹. Заметим, что, в летописи о построении Орла говорится, что он «*поставлен бысть*». Вспомним также, что И.И. Лебедев и П.С. Ткачевский указывают на *сторожевую* роль орловской крепости². Выстраивая ряд: кладбище – музей – школа – храм, Фёдоров находит его завершение в храме-музее как охватывающем их единым смыслом.

Мифопоэтическое значение города как храма, казалось бы, входит в противоречие с фёдоровским противопоставлением города селу. Однако это противоречие мнимое. Для Фёдорова город есть «совокупность небратских состояний» и аккумулятор всеобщего разделения и вражды, когда он выступает как центр товарно-юридических отношений и производства, то есть в его социально-экономической функции. Преобладание такого подхода как нормы, методологическое предпочтение при изучении его истории, функциональное, и, следовательно, - потребительское «зонирование», мышление категориями «территорий», а не «пространства» - всё это глубинные причины вырождения городов в наше время, детериорации их пространственной среды, проблем в социальной сфере. Город становится квинтэссенцией доктрины «общества потребления»; комфорт, удобство, утилитаризм, коммерческий интерес выступают в качестве главных ориентиров, город превращается в сферу обслуживания биологических потребностей человека и его пороков, главный из которых – стремление к избыточному комфорту, к роскоши, в машину для жилья и развлечений. Возвращение городу его исконного, изначального смысла – понимание его как «*космического корабля*» - храма-музея, кладбища и школы, и следовательно – сохранение и воссоздание утраченных историко-культурных ценностей, организация на этой основе образовательной среды – положит начало подлинному возрождению городов.

По мысли Н.Ф. Фёдорова храм есть «изображение земли, отдающей своих мертвецов»³. Вся земля – кладбище, вместилище праха отцов. В этом смысле она священна. Вспомним церковный погребальный текст при предании тела земле: «*Господня земля, и исполнение ея, вселенная и все живущие в ней*» (Пс. 23:1). В екатерининское время кладбище было «изгнано» за пределы города, что служило началом *десакрализации* его пространства. Однако, существование кладбищ при каждой приходской церкви на протяжении столетий сделало город населённым не только живыми, но и мёртвыми, причём, последними – в большей степени, чем первыми. До сих пор строительство на территориях, прилегающих к утраченным храмам, сопровождается осквернением останков умерших, то есть актами вандализма. *Комплементарный принцип* исторического развития города, существовавший до 1960-х годов, принцип собирания, накопления, хранилища, ковчега – естественным образом превращал город в музей, храм памяти об ушедших поколениях, запечатлённых в материальных свидетельствах, которые даже подсознательно воспринимались живущими в нём как поминальные свечи, как образ «земли, отдающей своих мертвецов», как их изображение, а существование в таком городе уподоблялось литургии – «общему делу», начало которой – поминальная служба,

¹ Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. – М.: АСТ, 2003. – 704 с.

² Ткачевский П.И., Лебедев И.И. Орёл. – Орёл: Орловское общество краеведения, 1927. - 109 с.

³ Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. – М.: АСТ, 2003. – 704 с.

отпевание: здесь проявлялось действие архетипов. Подчеркнём, что такое феноменологическое понимание города глубоко коренится в естественной нравственности, не нуждаясь в доказательствах, и закреплено многовековым опытом.

Сохранение городского пространства как содержательного целого и города как историко-культурного феномена, как экзистенциальной целостности, создающей образ существования человека и определяющей его судьбу, возможно исключительно возвращением забытых сакральных смыслов в его структуру; «обратная» сакрализация, ре-сакрализация города в современных условиях осуществима только путём его музеефикации. Музейно-образовательная, исследовательская деятельность в таком пространстве станут трудом на пользу чаемого Фёдоровым «общего дела».

Город – космичен, пространство его – подобие космоса, малый космос. Для греков космос – не просто порядок, но порядок, выражающий гармоническую красоту. Храм есть также модель космоса. «Искусство священное есть воспроизведение мира в виде храма», – писал Н.Ф. Фёдоров¹. Начало искусства полагается в храме. В основании его лежит проблема жизни и смерти – единственная, центральная проблема, вокруг которой развивается всё мировое искусство. В понимании этого сходятся и культуролог-атеист С.З. Агранович, и религиозный философ Н.Ф. Фёдоров. Таким образом сущность красоты – каллистического начала – неразрывно связана с проблемой жизни и смерти. Эстетическое и этическое предстают как единое. Город – храм, его Кремль – это алтарь, святилище, престол. Согласно Фёдорову, престол – тоже образ могилы, в основание его полагаются мощи. В слиянии эстетического и этического раскрывается красота города как космоса, как храма, где посредством синтеза искусств в архитектуре как главенствующем и объединяющем если не разрешается, то, по крайней мере, задаётся, ставится проблема жизни и смерти, как в буквально-прагматическом (город – способ выживания, организации жизни), так и в мифопоэтическом плане. Этой цепью ассоциаций мы стремимся объяснить эстетическую, а не только этическую природу сохранения памятников, причём, не каждого по отдельности, а комплексно, в системе, обоснование которой даёт феномен города. В основе любви к старому – не только этическое, любовь-жалость, желание сберечь, сохранить, но и эстетическое начало, чувство красоты, и вырастают они из одного корня – проблемы жизни и смерти. Город-храм как путь, способ решения этой проблемы раскрывает ещё одну сторону этого единства – практическую, деятельностную, выражающуюся в представлении его как Музея, под киворием которого происходит сбережение уцелевшего и воссоздание, воскрешение утраченного, то есть непрерывное поддержание состояния космичности бытия.

Собственно городской характер ландшафта в представлении, близком нашему, в Орле сложился достаточно поздно, вероятно, к концу XVIII в.; до этого времени он определялся системой городских укреплений и координированными городское пространство доминантами церковью. Слободы-сёла как бы прилеплялись, льнули к городу-храму, в котором их жители несли сторожевую службу. Мысль Н.Ф. Фёдорова приводит к тому, что эта военная сторожевая служба со временем должна обратиться в служение в храме-музее, в прикладное исследование, перетекающее в дело сохранения и воссоздания. Храм часто сравнивают с кораблём. Эта ассоциация верна не только по внешним признакам, но и по внутреннему смыслу – ибо храм есть медиативное образование. Город как «пороговое пространство» (Г. Коптева)², взятое в

¹ Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. – М.: АСТ, 2003. – 704 с.

² Коптева Г.Л. Семантика порога в архитектурной ритмике городской среды. – Харьков: ХНАМГ, 2009. – 104 с.

крупном измерении, его укрепленная часть с прилегающими слободами как целостная ландшафтная таксономическая единица может быть ассоциирована с кораблём, где слободские храмы – его мачты, либо с целой флотилией, где они – малые корабли, плывущими в океане времени, и всё свершающееся в нём имеет защиту от разрушительной силы этой стихии и сохраняется для вечности. Тогда город действительно становится *ковчегом* в истории. Кремль с крепостными сооружениями и в не метафорическом смысле служили таким ковчегом, где в случае осады могло укрыться население посада и слобод. В этом ещё одна параллель укрепленного города с храмом, поскольку храмы на Руси издревле были местом укрытия от врагов. В этом же – подчёркиваемая учёными /Л.М. Тверской/ противоположность русского Кремля и западноевропейского замка, который не только не давал спасения горожанам, но часто сам выступал в роли неприятеля.

Гениальным открытием российских зодчих В.А. Гайковича – автора Генплана Орла 1945 г., академика В.Г. Гельфрейха и архитектора Ю.В. Щуко, как бы «разгадкой» непроявленного до конца замысла их предшественников или «подсказки», данной самой градостроительной ситуацией, стала прокладка диагональной магистрали, соединившей оси Московской-Гостиной и Болховской (Ленинской) улиц¹. Этой трассы не было в Регулярном плане 1779 г., но о нереализованности здесь соединительной, транспортирующей функции говорит существование на протяжении более столетия на оси этой предполагаемой трассы Банного моста, который и определил её направление. В результате *протяжённый центр города Орла замыкается в гигантский, почти равнобедренный, треугольник*, по углам которого расположены узловые структуры планировочного и архитектурно-градостроительного каркаса города – треугольники Ильинской и Гостиной (Театральной) площадей, и новая проектируемая площадь Победы на месте центральной улицы-бульвара XVIII - нач. XIX вв., а в центре оказывается исчезнувший, но как бы «просвечивающий» из истории овал Кремля. Глаз, вписанный в треугольник – Всевидящее Око, символ Архитектора Вселенной. Таким образом планировочная композиция центра Орла может быть наделена и глубоким семиотическим содержанием. Это решение помимо окончательной прорисовки планировочного костяка центра города стало «освобождением от бремени» вынашиваемой городом веками идеи раскрытия его нового центра во всё городское пространство. Уникальное ключевое местоположение, обусловленное природным ландшафтом, почти два века поддерживалось и сохранялось незастроенностью 1-й (Нижней) Дворянской улицы со стороны Оки и малоэтажностью застройки на том участке, где она была. Полное освобождение берегового склона от застройки и устройство огромной лестницы с террасами, цветниками и фонтанами, постановка на площади на её вершине монументального здания Дома Советов с портиками, ярусной башней и шпилем, с предельной отчётливостью и полнотой выявили бы исключительный пространственный потенциал этого участка, подарили бы отечественной архитектуре не имеющий аналогов образец градостроительного решения, сделали бы Орёл шедевром градостроительного искусства. Нереализованные гениальные идеи Плана 1945 г. и сам план следует рассматривать как последний этап и кульминацию, подлинное завершение градостроительной истории города, в котором были в совершенстве продемонстрированы все его потенции, все веками формировавшиеся и постепенно проявлявшиеся возможности. В этом смысле Генеральный план 1945 г. в большом историческом масштабе можно считать завершением эпохи, начало которой

¹ ГАОО. Ф. 3505. Оп. 1. Д. 315. Л. 13. *Фёдоров С.И.* Г. Орёл. Городской центр. Архитектурно-планировочное развитие 1566-1966. Аннотированный альбом репродукций.

положено Регулярным планом 1779 г., эти два плана как бы встречаются, замыкая кривую истории орловского градостроительства. Далее начинается стремительное падение.

Композиционное построение орловского плана в целом включает в себе ещё ряд особенностей. Территория всего города укладывается в очертания *пентагона* – почти правильного пентагонального многоугольника, вписанного в окружность. При наличии трёх центров такое общее решение в виде строгой геометрической фигуры говорит о совершенстве композиции плана, которая не распадается на части, а организована в замкнутую монолитную форму, фактически воплощая модель *идеального города*. Используя свойства правильного многоугольника, удалось найти геометрический центр Орла. Окружность, соединяющая Кромскую и Курскую заставы – юго-западный и юго-восточный концы, через которые проходит основание пентагона, – почти касается всех его углов, за исключением верхнего, который немного до неё не дотягивает, но при дорисовке границы города, отодвинувшейся к началу XIX в. к линии современной ул. Лескова, форма многоугольника полностью вписывается в окружность. Центр её лежит в точке расположения ансамбля домов на Гостиной, 1. Таким образом начало Гостиной улицы с участком бывшего Наместнического дворца, Красный мост, зона пересечения осей-диаметров Оки и сквозной магистрали с фокусом прибрежных площадей оказывается своего рода *«абсолютным» центром города Орла, его «тупом»*. Эта геометрическая идея находит символическое оправдание в семиотике городского пространства. Именно здесь стояла первая каменная постройка Орла – часовня Николая Чудотворца, во время разработки Регулярного плана ещё существовавшая.

Город – космос; прообраз русского города – Небесный Град, Град Взыскуемый. По народным поверьям, Николай Угодник держал в руках ключи от рая. Сакральный знак святителя у въезда в город – символ держателя ключей от города. Ранее здесь стояла въездная Пятницкая башня острога. Параскева Пятница – защитница городов. Мост, переправа через реку – «пороговое пространство», насыщенное смыслами, символикой, акцентное, психологически напряжённое. Совпадение в этом месте существовавших в разное время маркировавших его сходных по значению символов, исторических ворот в город и его геометрического центра не случайно. Здесь – точка «попадания» в город, заметим, весьма удалённая от географического въезда на его территорию. Треугольники сходящихся к этой точке площадей и идущие от них лучи – крылья летящего Орла.

Эта выявленная нами символическая геометрия, по нашему убеждению, должна влиять на новое осмысление пространства и на работу по его преобразованию, которая в свете обнаруженных нами символов явится современной иеротопией¹. Смысл этого в том, что иеротопический акт, целиком вытекающий из истории города, из его прошлого, может быть не осуществлённым в этом прошлом. Фрагменты иеротопического плана (чертежа) могут быть стёрты временем и в истории никогда не совпадать в одновременности – с проявлением одного фрагмента исчезал другой, а третий лишь намечался, но никогда не был завершён. Постмодернистская по своей сути идея соединения никогда единовременно не существовавших фрагментов прошлого в настоящем и для будущего в пространственно-временном континуальном единстве на основе плана, контуры которого размыты во времени и могут быть собраны в цельный чертёж только посредством игры воображения, – может лечь в основу иеротопического творчества сегодня и в будущем. Такая концепция будет хорошей

¹ ГАОО. Ф. 3505. Оп. 1. Д. 315. Л. 13. *Фёдоров С.И.* Г. Орёл. Городской центр. Архитектурно-планировочное развитие 1566-1966. Аннотированный альбом репродукций.

альтернативой бессодержательной и устарелой «прогрессистской» технократической модели, так называемому «развитию города».

Форма плана в виде пентагона – особая семиотическая «отметина» на карте градостроительного развития Орла. Зафиксированная в XVIII в. как обобщённое представление о его целостности, она не может не влиять на его судьбу. И хотя впоследствии эта форма постепенно размывается, но всё же продолжает читаться ещё всю первую половину XX в., окончательно «расплываясь» во второй, что как раз совпадает с началом утраты его градостроительного образа. Символика пентаграммы и связанного с ней пентагона – одна из весомых в семиотике религии, философии и культуры. Это знак, объединяющий макро- и микрокосм, человека и вселенную, содержащий в себе принцип золотого сечения и логарифмической спирали – символа и закономерности движения Вселенной. Важно, что орловский пентагон расположен правильно – вершиной на север.

Очертания русел Оки и Орлика напоминают тау-крест с изогнутой перекладной, а соотношение главной оси территориального каркаса, Оки, с главной осью каркаса планировочного, вектором линейного развития города – Московской улицей и её продолжением в 1-й части – даёт форму обычного креста. На главной планировочной оси лежит треугольник протяжённого центра, вершина которого оказывается в зоне Борисоглебского и Павловского соборов, а под ней, в центре креста – абсолютный геометрический центр всего города – Красный мост и Гостиная, 1. Сочетание креста и треугольника напоминает древнерусское некрокультурное сооружение – голбец, могильный крест, накрытый треугольной крышей. Это символ дома, дома мёртвых по подобию дома живых, дом же – символическая схема космоса. На карте города он утверждает его равно как дом мёртвых и живых и как связь, переход, слагающий единство прошлого и настоящего. Столб, главная ось креста, – символ мирового дерева, упавшего в данном случае лентою реки и обратившегося в дорогу, символический путь города, путь из прошлого в будущее и обратно, путь реверсивный. «Среди улицы его, по ту и по другую сторону реки, древо жизни...» (Откр., гл. XXI—XXII)¹.

Алтарь города-храма – его Кремль – мифопоэтически осмысливается как детородное место. В этом смысле Орёл, где сакральная территория Кремля остаётся незастроенной и неприкосновенной, выражаясь словами Н.А. Бердяева, «сохранил свою деву». «Упавшее» среди города «мировое древо», его ось, в «белом кристалле» нового Павловского собора принимает вертикальное, прямостоящее положение, как бы стремится подняться. Собор как вершина, остриё «космического корабля» устремлён в небо, – это очень хорошо видно на акварели Цаффа – он становится пороховым пространством высшей ступени, собирая на себе и ориентируя, направляя всё «тело» города. Вершина его направлена к вершине пентагона. Вертикальная ось – мужское оплодотворяющее начало с вершиной в соборе – должно соединиться с женским, лежащем в Кремле в состоянии *городища*, то есть временно умершим, усопшим, «заснувшим». Воссозданием Орловского Кремля откроется спящий ныне «глаз» в треугольнике его протяжённого центра – Всевидящее Око, и оживёт его матка, «спящая царевна», а воссозданием завершения Павловского собора, противоположного Кремлю и единого с ним, – в пространстве города состоится мистический «брак Неба и Земли».

Эта цепь взаимосвязанных метафор с одной стороны – всего лишь художественная игра символами, более или менее отчётливо читаемыми на карте города. С другой стороны – это

¹ Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // исследования по структуре текста / Под ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1987. – С. 121-132.

вполне реальный иеротопический проект, который в случае его воплощения станет не только надёжной защитой города от дальнейшего разрушения в самом широком смысле, но и вернёт ему самое главное – его историческое лицо, красота и выразительность которого по нашему глубокому убеждению утрачена прежде всего по причине образовавшихся ментальных лакун, провалов в исторической и мифопоэтической памяти.

Ландшафт города оставался стабильным на протяжении веков благодаря адаптивным, поддерживающим существующие экотопы формам хозяйства. Трансформация природного ландшафта в природно-культурный происходила с сохранением биоразнообразия и средозащитных функций. Процессы детериорации хотя и имели место, но не вели к деградации среды, чем обеспечивалось поддержание параметров *эволюционирующего ландшафта*. Главным фактором стабильности этих ландшафтов стало преобладание *усадебного типа* городской застройки с *сельскими формами хозяйствования* – возделыванием земли, садоводством и огородничеством. Ситуация начала круто изменяться только во второй половине XX в. и особенно в XXI в. Срытие реликтовых медленно эволюционирующих ландшафтов вместе с почвенными горизонтами – копка котлованов под многоэтажное строительство приводит к необратимой деградации территорий, безвозвратному исчезновению природно-культурных комплексов, где веками поддерживались уникальные в условиях города параметры природно-культурного взаимодействия, не подлежащие уже восстановлению после таких вмешательств.

«Агломерация» слобод – небольших сёл вокруг крепости, формировала городской ландшафт. Надо отметить, что такая схема городского плана существует в нашей территориальной зоне со времён железного века, с периода распространения «скифской вуали», т.е. с сер. I тысячелетия до н.э. Поздне-сейминские племена скифской группы имели большие поселения оседлого типа, представлявшие собой *комплекс селищ с городищем в центре*. Этот преобразованный, но в основном сохранивший типичные черты *сельского*, ландшафт, эволюционируя, просуществовал до наших дней. Ещё 30-40 лет назад он вполне подошёл бы под определение *реликтового*, но активная зачистка привела к тому, что теперь он в наших городах – стремительно деградирующий и вымирающий. Его маркировка, древние топонимы – Посадские, Пушкарные улицы – сохранились до наших дней, но без самих ландшафтов они утрачивают своё содержание. В идиоме «родная земля» слово «земля» ошибочно понимается в переносном смысле. Эволюционирующие городские ландшафты являются своеобразными *рефигиумами*. Веками не менявшийся характер освоения территории – адаптивный, основанный на возделывании земли, сохраняет эту землю практически неизменной, консервирует её. Историческая *память земли* сосредоточивается в *культурном слое*. Вот почему разрушая кварталы XVIII – XIX вв. в центре русских городов, фактически ликвидируют реликтовые ландшафты средневековья, *землю*, которую под своим спудом сохранял нетронутой данный ландшафт. Топоним же, оторванный от топоса, лишённый его, теряет всякое значение.

Уникальность этой застройки в целом, независимо от больших или меньших художественных достоинств каждого отдельного дома в том, что за 450 лет существования Орла она сохранила свой тип и характер и несёт в себе прямую преемственность первоначальной текстуре города, составляя с ней в историческом континууме единое целое, являясь по сути этой первоначальной городской застройкой, только лишь претерпевшей медленные эволюционные изменения во времени. Поэтому, снося «частный сектор», – сносят, по существу, город XVI в., изначальный Орёл. Другой фактор уникальности этой градостроительной среды в том, что она не являет собой чисто городской тип, как, скажем, застройка Петербурга, центра старой Москвы или центральных частей других крупных городов – Нижнего Новгорода, Самары и т.д., да и

самого Орла в утраченном его историческом центре. Корни этого – в особенностях формирования средневекового русского города как поселения сельского типа вокруг крепости. Посад, слободы – по сути ничем не отличаются от села, деревни: «модуль» здесь — это индивидуальный жилой дом с приусадебным участком. Не выходят из этого ряда и домовладения знати: городские усадьбы дворян, помещиков, вельмож – это те же их поместья, перенесённые на территорию города. Таким образом, феномен старинного русского города с «частным сектором» в центре – в «симбиозе» города и деревни, явлении «слободской культуры», доставшемся нам как историческое наследие, как культурное достояние, сглаживающем антитезу «город – деревня», с её максимой: деревня – природное, органическое, тёплое, живое, Богом данное, естественное; город – искусственное, механическое, враждебное деревне.

Старинная пословица гласит: «Город – царство, а деревня – рай». Здесь зашифрован архетипический смысл. Город аналогичен космосу, он сотворён, он – произведение искусства, сознательно организованная форма, деревня – само бытие в своей безначальной божественной гармонии, благодати, бесконечности и спонтанности. Городская культура, неся все доминантные признаки городской – театры, музеи, учебные заведения, учреждения культуры, торговли, печать, пресса, заводы, транспорт, техническая инфраструктура – сохраняет при этом родовую человеческую связь с землёй: *крестьянство – христианство* - возделывание земли как «возделывание праведности»; ослабевают также антитеза «природное-культурное»: не только человек не порывает связи с землёй, с природой, но и сам городской ландшафт не противопоставляет себя природному, а мягко изливается, вырастает из него.

Сохранность в городе на протяжении веков вплоть до сего дня застройки усадебного типа обусловило существование стабильного ландшафтного комплекса, в котором помимо визуальных объектов и информационного слоя как неотъемлемая его часть постоянно присутствовали *звуковые* и *обонятельные* компоненты: частью ландшафта становились звуки и даже *запахи*. Речные русла и малоэтажная усадебная застройка служили путями распространения колокольного звона, были средой свободного наполнения ландшафта этим важнейшим компонентом традиционного городского бытия, равно как и бассейном зрительного восприятия самих храмов, обеспечивая целостность ландшафтного образа. Ещё в начале 1980-х гг., когда значительные массивы старинной одноэтажной застройки существовали в центре города, в октябре-ноябре месяце город наполнялся специфическим запахом дыма от горящего угля: это жители старых домов начинали отопительный сезон. Этот запах навсегда связан с атмосферой ушедшего города. А в августе утопающие в садах старинные кварталы окутывались сладким, винным ароматом созревших яблок. У некоторых туристов Орёл даже стал ассоциироваться с этим яблочным запахом. На эту пору приходится церковный праздник «Яблочного Спаса». Такие детали позволяют увидеть, что жизнь города, закрепившая свои устои в целостном ландшафтном комплексе, который воздействует на всю полноту чувственного восприятия человека, всецело погружает его в себя, находя отражение в церковном календарном обрядовом цикле, оказывалась в поле метафизических, вечных, космических ритмов и процессов.

Отмечено, что тип дома – особняк, оформляется только во второй половине XVIII в¹. До этого в городах продолжали возводить жилища по образу крестьянской избы, крытой соломой.

¹ Шквариков В.А. Очерк истории планировки и застройки русских городов. - М., Государственное издательство литературы по архитектуре и строительству, 1954г. - 204 с.

Изба как вид постройки отличается тем, что не имеет внутреннего деления на комнаты, представляя собой единое помещение с русской печью, часто отапливавшееся «по-чёрному», т.е. без дымохода. Избы были сборно-разборные, их изготовление ставилось на поток особыми артелями плотников; желающие поставить избу могли купить готовую конструкцию на рынке и собрать её на месте. В этом продолжалась древняя русская традиция скоростного строительства¹. С петровского времени в противопожарных целях начинается замена изб мазанками. Интересно наблюдать, как трансформировался в условиях города регулярной поры тип крестьянской избы, соединяясь с чертами городского особняка. В городской застройке мы часто встречаем этот своеобразный микс, который по внутренней планировке является городским домом, особняком, а снаружи мало чем отличается от крестьянской избы. Такие дома нужно считать самобытным явлением русской городской культуры, национальным достоянием. В своём экстерьере они несут всю символику жилища древней традиционной народной культуры, и, построенные, к примеру, в начале XX в., семантически являются вестниками культуры, возраст которой – свыше 1000 лет. Отражённая в архитектонике и декоре фасадов этих особняков-изб древнеславянская языческая космогония сакрализует городское пространство в ином, нежели христианские храмы, аспекте, расширяя, раздвигая этот аспект, и охватывая значительные участки города ореолом гораздо более древнего миропонимания, свидетельствуя о «двоеверии» или о *христиано-языческом синкретизме* как факте отечественной культуры, не зависящем от научно-философской позиции культуролога.

Несмотря на высокую степень деформации в результате утраты градостроительством с конца 1950-х гг. своей сущности как вида искусства Орёл сохранил ряд высокоценных историко-культурных комплексов городского ландшафта, представляющих собой рудименты его почти утраченной градостроительной формы. Сохранение этих рудиментарных образований как единственно здоровых участков городской ткани и дальнейшее её наращивание на их основе, восстановление таким образом естественного урбаноноза возможно посредством музеефикации (заповедания) городских пространств с последующими консервацией, реставрацией и воссозданием. Идеи Н.Ф. Фёдорова о воскрешении и музее как восстановлении жизни являются философской основой этой деятельности. Экзистенциальный взгляд на город, градостроительную форму, архитектуру – как на образ существования человека, форму его бытия, откроет в этом проекте пути, ведущие через преобразование среды к преображению самого человека, сведёт к минимуму риск фетишизации этой идеи, превращения её лишь в поклонение материальным формам. Возвращение городу сакральных смыслов предостережёт его от стремительной дегуманизации и неминуемой гибели, к которой его клонит функционально-потребительская, хищнически-буржуазная доктрина, подчинившая себе все грани его естества. Город-заповедник (историческая часть его, выделенное историческое поселение на территории города), понимаемый одновременно как храм, кладбище, музей и школа, станет той базой, где новые поколения людей будут нести храмовую – сторожевую и исследовательскую службу, которая, сделав элемент служения, жречества важным аспектом жизни человека, в корне изменит его существование и нравственный образ.

¹ Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII-XIX веков. – М.: Госстройиздат, 1961. - 206 с.

Литература:

1. ГАОО. Ф. 3505. Оп. 1. Д. 315. Л. 13. *Фёдоров С.И.* Г. Орёл. Городской центр. Архитектурно-планировочное развитие 1566-1966. Аннотированный альбом репродукций.
2. *Алфёрова Г.В.* Русские города XVI – XVII вв. - М: Стройиздат, 1989. – 216 с.
3. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. - М., 2011. – 990 с.
4. *Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И.* «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII-XIX веков. – М.: Госстройиздат, 1961. - 206 с.
5. Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. - М.: «Индрик», 2009. – 384 с.
6. *Коптева Г.Л.* Семантика порога в архитектурной ритмике городской среды. – Харьков: ХНАМГ, 2009. – 104 с.
7. *Ткачевский П.И., Лебедев И.И.* Орёл. – Орёл: Орловское общество краеведения, 1927. - 109 с.
8. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // исследования по структуре текста / Под ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1987. – С. 121-132.
9. *Фёдоров Н.Ф.* Философия общего дела. – М.: АСТ, 2003. – 704 с.
10. *Шквариков В.А.* Очерк истории планировки и застройки русских городов. - М., Государственное издательство литературы по архитектуре и строительству, 1954г. - 204 с.

References:

1. GAOO. F. 3505. Op. 1. D. 315. L. 13. Fyodorov S.I. G. Oryol. Gorodskoj centr. Arhitekturno-planirovochnoe razvitie 1566-1966 [Oryol. Town centre. Architectural and planning development 1566-1966]. Annotirovannyj al'bom reprodukcij. (in Russian)
2. Alfyorova G.V. Russkie goroda XVI – XVII vv. [Russian cities of the XVI-XVII centuries]. - M: Strojizdat, 1989. – 216 p. (in Russian)
3. Andreev D. L. Roza Mira [Rose of the world]. - M., 2011. – 990 p. (in Russian)
4. Beleckaya E., Krasheninnikova N., Chernozubova L., Ern I. «Obrazcovye» proekty v zhiloj zastrojke russkih gorodov XVIII-XIX vekov ["Exemplary" projects in residential development of Russian cities of the XVIII-XIX centuries]. – M.: Gosstrojizdat, 1961. 206 p. (in Russian)
5. Ierotopiya. Sravnitel'nye issledovaniya sakral'nyh prostranstv [Eurotopia. Comparative studies of sacred spaces]. - M.: «Indrik», 2009. – 384 p. (in Russian)
6. Kopteva G.L. Semantika poroga v arhitekturnoj ritmike gorodskoj sredy [Threshold semantics in the architectural rhythm of the urban environment.]. – Har'kov: HNAMEG, 2009. – 104 p. (in Russian)
7. Tkachevskij P.I. Lebedev I.I. G. Oryol [City of Orel.]. – Oryol: Orlovskoe obshchestvo kraevedeniya, 1927. - 109 p. (in Russian)
8. Toporov V.N. Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifologicheskom aspekte [Text of the Virgin city and the harlot city in the mythological aspect]/ V.N. Toporov // issledovaniya po strukture teksta / Pod red. T.V. Civ'yan. – M.: Nauka, 1987. – P. 121-132. (in Russian)
9. Fyodorov N.F. Filosofiya obshchego dela [Philosophy of the common cause]. – M.: AST, 2003. – 704 p. (in Russian)

10. SHkvarikov V.A. Ocherk istorii planirovki i zastrojki russkih gorodov [Essay on the history of planning and development of Russian cities]. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po arhitekture i stroitel'stvu, 1954. - 204 p. (in Russian)

SACRED ASPECT IN THE FORMATION OF THE ARTISTIC IMAGE OF THE HISTORICAL SPACE OF THE CITY OF OREL

Kushelev I.E.

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

cushelewilja@yandex.ru

Annotation: *The article examines the sacred aspects in the semiotics of the city space and the features of the urban landscape in which they find their expression. The purpose of the article is to provide a historical, philosophical, aesthetic and ethical justification for the idea of museification of historical urban spaces. The material for the work was field research and observations of the author related to the study of the space of an ancient Central Russian city on the example of the eagle, archival research in the rsia and gaoo, analysis of plans and drawings, General research on Russian urban planning by L. M. Tversky, G. V. Alferova, V. A. Shkvarikova, G. Kopteva, groups of scientists-E. Beletskaya, N. Krashennnikova, L. Chernozubova, I. ERN, as well as certain provisions of the philosophy of N. F. Fedorov, cultural concepts of D. L. Andreev, V. N. Toporov, A. M. Lidov. The author points out the archetypal meaning of the image of the city in Russian mythopoetics, the personification of the ideal, paradisiacal existence, the "city of the Sought". The author reveals the ontological significance of this archetype, its Central role in the picture of the world and the form of being in the absolute, indecomposable unity of ethical and aesthetic principles. The construction of the city is presented as a hierotopia-the sacralization of space, a co-creation of the divine, a cosmogonic process. The parallel of the city structure with the semantic and structural structure of the temple is drawn, examples of symbolic geometry in its layout are described, and it is shown how the unity of the image of the city as a whole was achieved. His path in history, the preservation of architectural monuments and more broadly-historical landscapes-are understood through the problem of life and death as underlying all human culture, philosophy and art. The Central position of N. F. ethics. Fedorov – the idea of restoring the past life and the resurrection of the fathers-is put in justification of the requirement of museification of historical urban space with a combination of religious (Church, Cemetery), aesthetic (Museum), research and educational (School) functions. This interpretation is given as an alternative to the socio-economic and utilitarian one generally accepted in the bourgeois consumer society. Significant similarity of the traditional Russian urban landscape with the rural one is revealed; in the preservation of ancestral connection with the land, careful attitude to the nature, not the opposition of town village, a symbiosis of these types of existence provided the perspectives of humanization of the modern city, engaged the blind inertia of scientific and technical progress and permanent NTR in bad infinity, "development", and pushed so to the brink of extinction.*

Keywords: *history of architectural monuments, sacralization of space, city development, urban landscape, semiotics of urban space, symbolic geometry, image of the city, museification, hierotopia*

Для цитирования: *Кушелев И.Е. Сакральный аспект в формировании художественного образа исторического пространства города Орла// Архонт, 2020. № 5 (20). С. 71-82.*